

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 24

15 апреля 1944 года

№ 24

7-428

содержание:

Христос Воскресе!

★

Поздравление с Светлым

Праздником — П. Н. Краснов

★

Четвертая беседа старого казачка с молодыми

★

Дружеская помощь — А. Талин

★

Исторические очерки Дона (продолжение) — П. Н. Краснов

★

Лбищенский рейд (продолжение) — А. Погодаев

★

Таис (продолжение) — Т. Левшина

★

Сумасшедший прыжок — В. Фарафонов

★

На чужой стороне

★

Розыски

Светлый Праздник

С акварели худ. А. Мельникова

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Светлый Праздник Воскресения Христова, так радостно всегда встречаемый на Родине Казаков, ныне приходит в скорби и крови.

Но мы, христиане, знаем, что сегодня — Праздник победы, что сегодня Христос разрушает цепи ада и освобождает узников. Мы знаем, что Воскресение Христа — залог воскресения нашей Церкви и Родины, и что Его победа — наша победа. А поэтому, радуясь радостью христианина, достойно

встретим сей «Праздников Праздник и Торжество из Торжеств», и приветствуем друг друга нашим древним приветствием:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Дюшин

Митрополит Варшавский

Родные казаки!

С праздником Светло-Христово Воскресения поздравляю вас всех. Тех, кто в эти святые пасхальные дни несет боевую страду в борьбе со злейшими врагами Христа — большевиками; тех, кто, странствуя по чужим землям, терпеливо ожидает пристанища, где можно было бы осесть, собраться с мыслями, укрепить духовно и телесно, чтобы приступить к главному, к заветному, к тому, чем жили и дышали всю эту четверть века — к освобождению с Германскими войсками родных земель, восстановлению порушенных куреней и церквей; тех, кто скитается безымянный, скрывающий свое казачье имя по просторам загаженной жидами советской земли, томится в ссылках, тюрьмах, на кааторжных работах советского союза.

Старых и малых; женщин казачек; стариков атаманов; молодцов казаков казачьих полков, сотен, батарей, команд и отделений, всех поздравляю, всем шлю свой стариковский казачий привет.

Всем говорю словами Иоанна Златоуста, которые будут читать в Пасхальный заутренний час: — «...насладитесь этим добрым и светлым торжеством... войдите в радость Господа своего... Войдите все, примите давание, богатые и убогие, ликуйте друг с другом, воздержавшиеся и ленивые почтите день; постившиеся и непостившиеся — сегодня возвеселитесь!... Пусть никто не боится смерти — нас освободила от нее смерть Спасителя. Он уничтожил смерть. Взял в плен ад, сойдя в ад... Где твое жало, смерть? Христос воскрес и жизнь обновляется...»

★

Нет! Это не праздник весны и новых полевых работ. То будет первое мая — когда будем праздновать все — крестьяне и рабочие, казаки и солдаты Германской армии первомайский праздник начала весенних работ.

Воскресение Христово самый старинный, самый великий, самый радостный, благоуханный день в казачьей жизни. Это — голос из неведомого мира, где столько, столько осталось казаков, сложивших свои головы за веру и родину... Нет казачьей семьи, нет казачьего рода, где не доминали бы своих родичей, покоящихся по всему

белому свету и на дне морей. Где их бескрестные могилы? Чья стрела или пуля, чей штык, или сабля, чья пика, чья граната, чей нож, кинжал, или копье, или мина свалили их с коня или ладьи и пришили к матери сырой земле? Погребли в пучине морской?

Были бы невыносимы тоска и страдания их близких и их товарищей односумов, если бы не эта великолепная страстная вера в вечную жизнь...

Христос сказал и на себе самом показал: — нет страданий и смерти — есть общее воскресение!

★

Еще по станичным и хуторским улицам не развеялся сытный запах блинной опары и пригорелого масла и хмельны казачьи головы от широкого масляничного загула; в ушах звучат веселые песни хороводов и выстрелы военных игр, когда ранним утром в «чистый понедельник», в туманом покрытую степь вольется мерный и печально торжественный удар великопостного колокола: — «боммм»!...

Церковь зовет казаков под свою сень одуматься и покаяться.

В станицах февральская ростепель. И — грязь. Но все крепче натаптывается тропинка к церкви, и идут старые и молодые, женщины и казаки в прохладный тихий сумрак старого храма на «часы»...

Сколько в этих великопостных «часах» успокаивающего, углубляющего, заставляющего сокрушенно заглянуть в душу и покаяться.

Идут, идут, пихнутся с клироса слова чтеца. Непонятные, славянские слова. Они паводят на неясные размышления. Отвлекают... тревожат, бердят душу. Тихо в храме. Чуть раздастся чей то вздох. Покашливание.

Смолкает чтец.

Из алтаря выходит священник. Он в черном подряснике и епитрахили. Полны сокрушения молитвы:

— Господи и Владыко живота моего. Дух праздности, уныния, любопачалия и празднословия не даждь ми...

Четыре прошения, четыре желания. Как нужны они в наши страшные, суровые, отчаянные, боевые дни жесточайшей войны...

Праздность. когда кругом непочатый край работы...

Уныние... когда нужна могучая все побеждающая вера в победу...

Любоначалие... Когда не к чинам и повыщениям нужно стремиться, но к подвигу и победе...

Празднословие... Как за двадцать лет большевицкого гнета научились мы много и праздно болтать...

Исцели нас, Господи, от этих гноящихся язв!..

Перед царскими вратами чинно становятся три певца... Какое пение бывало в этот торжественный тихий миг на Кубани, где так музыкален Кубанский казак и казачка. Бряцает кадило. Сизый дымок вьется по церкви и поет, поет, поет уже не сладкоголосое трио, но сама душа поет: — «да исправится молитва моя, яко кадило пред тобою: воздеяние руку моею, жертва вечерняя! Услыши мя, Господи!»

Семь недель поста. Семь недель полного воздержания. Семь недель тихой молитвы — воспоминания того великого и страшного что когда то было.

И вот настает суббота шестой недели — «Лазарево-воскресение».

Какой это был ужас!.. Мария и Марфа — сестры Лазаря и их родственники плакали по усопшем.

И спросил Христос: —

— Где вы его положили?

— Пойди и посмотри...

И все пошли к пещере, где было положено тело умершего.

— Отнимите камень, — сказал Христос.

Марфа сказала: —

— Господи!.. Уже смердит. Он четыре дня, как в гробу.

Отвѣтил Христос: —

— Не сказал-ли я тебе, что, если будешь веровать, увидишь славу Божию.

Отняли камень пещеры.

— Лазарь!.. Иди вон!..

Вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами. Лицо его было обвязано платком.

— Развяжите его!.. Пусть идет!..

Какой ужас, но и какая сладость в этом величайшем чуде — воскресении Лазаря.

С полною надеждою поет хор: — «общее воскресение прежде Твоея страсти уверяя из мертвых воздвигл еси Лазаря, Христе Боже».

Все суровее и длиннее церковные службы. Страстной четверг — чтение двенадцати евангелий, страстей Господних... В пятницу вынос плащаницы — изображения Христа в гробу. Погребение Христа. Тихо и печально идет крестный ход по станице.

★

Все напряженнее и напряженнее живет станица. Казачки дома полны забот и хлопот. Нужно приготовить розговены, чтобы не хуже чем у людей было. Чего, чего только не наставят они на пасхальном столе. Понесут крашеные яйца, куличи и пасхи святить в святую заутреню, наставят окорока ветчины и телятины, жареную птицу на столе. Украсят стол и снедь цветами.

В темную ночь — луна поздно восходит в святую пасхальную ночь — потянется вся станица, принаряженная по праздничному в церковь на призывный звон колоколов. В храме темно. Только что убрали плащаницу. У клиросов колыхнулись хоругви. Почетные старики в старинных мундирах с орденами и медалями на груди разбирают хоругви и образа и выстраиваются в «крестный ход». Это идут ко гробу Христа проведать умершего...

Медленно и торжественно, в глубоком молчании, крестный ход обходит кругом церкви, если погост недалеко, заходит туда и возвращается в церковь. Какая умиленная радость на лицах, как восторженно поет хор!.. В руках у священника крест, украшенный белыми цветами весны: нежным цветом вишни, розоватым, точно восковым цветом яблонь и груш. Везде ликование. Ну, как же, узнали от ангелов радостную весть — поет, заливаясь в восторге хор: — «Христос воскрес из мертвых, смертью смертью поправ и сущим во гробех живот даровав»!..

Вся пасхальная заутреня проходит в веселых ликующих песнопениях. Чувствуется величайшая победа над самою смертью. Казаки и казачки обмениваются яйцами, целуются, а с клироса несетя: — «Пасха! Радостию друг друга объедем! О! Пасха! Избавление скорби!».

На Пасху понесут казачки на родные могилы яйца, пасху, куличик, положат с цветами у могильного креста. Они знают — это дар бедным, помощь тем разговеться, у кого никого и ничего нет. Они глубоко верят, что незримыми очами из того света глядят на них те, кто был им дорожке всего — родители, дед, бабка, быть может, муж умерший рано, ребенок без времени скопчавшийся. Они пришли им сказать: — «Христос воскрес и вы не умерли, но живы»...

★

Ненавидящий Христа жид большевик убрал, отнял, уничтожил Пасхальную радость Светло-Христового воскресения. Розговены стали — одно обжорство, пьянство и распутство. И стало... безотрадно скучно на земле. Никаким самогоном не заглушить этой лютейшей тоски и смертельной скуки. Ушел Христос с родных казачьих краев. Ушла с Ним радость Его воскресения.

— Казаки!..

Вернем, вернем эту радость веры... Углубим свою мысль, вспомняем молитву матери пад-вами, когда были вы маленькими, когда все знали Христа и безостепенно верили в его святое воскресение.

Пойдем, что Пасха Господня, — не пьянство и разгул диких розговен, но после долгой и сокрушенной молитвы Великого поста — сладость Христовой заутрени. Вечным воинам-казакам, стоящим всегда на самом пороге смерти так дивно сладко глубоко верить и быть совершенно убежденным: —

Нет смерти — Есть воскресение!..

ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!..

Петр Краснов

Казак Каргинской станицы
Всевеликого Войска Донского.

Редакция и сотрудники „На Казачьем Посту“
поздравляют читателей с Светлым Праздником
ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Беседы старого казака с молодыми

Беседа четвертая.

О муштре

— Что же такое муштра? Слово не русское — немецкое, но так вошло в наш обиход, что мы и забыли откуда оно.

Вот раздалась команда: «штильгештанден» (смирно!).

Устав подготовки пехоты, часть 2-ая, издания 1941 года вып. 2, описывает стойку солдата по этой команде: «стрелок стоит в основной стойке, не шевелясь. Каблуки сдвинуты вместе. Носки развернуты настолько, что ступени образуют не полный прямой угол. Тяжесть тела равномерно распределяется на каблуки и ступени обеих ног. Колени слегка напряжены. Верхняя часть тела выпрямлена, грудь слегка подана вперед. Плечи на одной высоте. Они не приподняты. Руки опущены прямо вниз, локти поданы слегка вперед. Верхняя часть ладони и концы пальцев прижаты к верхней части ног. Пальцы вместе и вытянуты. Средний палец вдоль указательного с внутренней стороны ладони. Голову держать высоко, подбородок убран на себя. Взгляд направлен прямо перед собой. Мускулы слегка и равномерно напряжены. Чрезмерное напряжение мускулов ведет к плохой принужденной выправке...»

Какой глубокой, стародавней далью веет от этих слов немецкого устава, принятого теперь в наших казачьих частях. И далью русской.

Регламент Петра Великого — это значит, без малого 250 лет тому назад — учит:

— Смирно! Каблуки сомкнуты, подколенки стянуты; солдат стоит стрелкой.

Как хорошо и коротко это сказано: «солдат стоит стрелкой!»

Учить казака надо показом, а не рассказом. Старый казак, урядник, или офицер покажите, как нужно стоять, когда раздалась команда: «штильгештанден». Покажите и поправьте каждого, и в каждом каждую мелочь стойки. Медленно обходите шеренгу и поправляйте каждого. Когда обходите пускай все стоят смирно, затан дыхание, подобра животы. Поправляйте не руками, но словами.

Носки должны быть развернуты на ширину ружейного приклада. А, если в руке нет ружья, — поставьте носок своей ноги до середины между носков обучаемого и скажите: «обожми мою ногу». Обходя напоминайте:

— Пузо убери!... Распрями грудь... Затан дыхание... Подайся вперед грудью так, чтобы, если тебя толкнуть слегка, ты сделал бы невольный шаг вперед.

Так проверьте все. Каждый сустав пальцев осмотрите.

— Голову выше!

О! Это много значит, когда казаки в строю, да и всегда высоко держат голову. Это гордость... Это красота строя.

В своем регламенте Петр об офицерах и начальниках так отметил: «полковнику надлежит знатному и искусному, благозречному мужу быть, дабы свой почетный чин мог с благопристойной честью тако вести, чтобы полку своему во всех случаях не гнусен был...»

Запомните это казачьи офицеры. Остерегайтесь быть когда либо своему полку гнусными. А хуже, что может быть гнуснее пьяного казачьего лейтенанта, в расстегнутом мундире, со сбитой на затылок папахой, не твердыми шагами, опустив голову и бормоча матерные слова, идущего по улице. Такого казачьего офицера командир полка и суд общества офицеров должен выгнать вон в двадцать четыре часа: «не порочь казачьего имени таким гнусным видом!»

— Рюгт еух! — стоять вольно.

Левая нога выставляется вперед. Стрелок может отдыхать, но без разрешения не смеет разговаривать.

Строй — святое место. Рота в строю — не базар, не станичный майдан. Оправь мускулы тела, вздохни всею грудью и сосредоточься опять; устремь мысли в ученье.

Ружейные и пашечные приемы — это тоже муштра.

— Дас гевэр юбер! — на плечо.

Приемы похожи на наши — старые. В уставе они описаны без разделений, но вчитывайтесь внимательно, вглядитесь в учителя — увидите, что каждый прием разби-

вается на два иногда и на три отдельных приема. И делать сначала так по отдельным приемам будет легче.

Учить показом. При Петре делать ружейные приемы называлось: «метать артикулы». Для возбуждения внимания обучаемых заставляли «метать артикулы» без команды в немую — «по флигельману». Перед строем становился ловкий капрал — унтер-офицер и начинал отбивать прием за приемом, а строй, следя за ним и угадывая его движения, делал дружно и одновременно те же приемы... — «Гевэр аб! к ноге...» «Ахтунг! Презентирт дас гевэр! слушай на краул...»

И... маршировка. Мать всей муштры... Тут хорошо бы и барабан.

— Им глейхспритт марш!

«Стройная выправка и приподнятая голова должны требоваться», отмечает о марше пункт 20 устава.

Вот это муштра, которая необходима для спайки бойцов роты, эскадрона, сотни в одно мощное тело. Без муштры не будет строя, без строя не будет роты...

Когда двести человек обращаются в бездумный и послушный механизм, действующий, как один человек — они имеют такую силу, что враг во много раз сильнее бежит перед нею...

Часть входит в селение. Кто знает, как настроены, кто такие жители селения? Часть на вражеской земле. Они враги. Среди них могут быть бандиты, партизаны. У многих за пазухой камень для вас. Кое у кого в сарае закопан в соломе автомат.

— Ахтунг! Абтейлунг марш!

Взяли ногу. Ударил барабан. Заиграла музыка... Нет ни барабана, ни музыки — грянула смелая песня. Нет пельсельников — гудит земля от твердо отбиваемого шага.

— Абтейлунг хальт!

Головы подняты. Все, как один; один, как все...

Притихло село. С опущенной головой кто-то приносит начальнику откопанный автомат: «так что кто-то закопал... не знаем кто...» Камни вынуты из-за пазухи, брошены на землю. Приносят «хлеб соль».

Пришла сила... Военная казачья сила. Не пьяная орда насильников, но дисциплинированная, вымуштрованная часть.

Силе покорится вражеская сила.

— Вот, казаки значение муштры.

— Штильгештанден!

— Чему улыбаетесь? Ах, да — немецкие команды. Не смущайтесь. Они и раньше у нас были; слушайте: это из старого русского устава: «эскадрон галопом марш...» Тут нет ни одного русского слова — все немецкие.

Наш воинский устав менялся много раз.

Было время, когда, чтобы построить батальон для встречи атаки конницы командовали:

— Слушай! Будет учинен батальон де каре! Правое крыло швенкуйся на лево; левое швенкуйся на право...

Возьмем команду — «марш». Она так вошла в жизнь, что мы и забыли, что раньше ее не было. При Петре I и до Императора Петра III командовали: «ступай!»

У казаков до введения общих уставов говорили просто: «пошел», «пошли!» У Сибирских, Забайкальских, Семиреченских и других казаков Азии до последнего времени было в ходу татарское «Ай-да!» Иногда к нему по-русски уже добавляли «ай-да-те!» Ну а теперь везде «марш»!

К муштре относится и отдавание чести.

Отдание чести не только начальникам, но и друг другу — есть взаимное приветствие. Это показатель братского единения всех солдат и казаков армии, борющейся за одно святое дело — уничтожения большевизма; уничтожения лжи и самого гадкого в мире — жидовского насилия над людьми.

Спаянные общей кровью, пролитой на полях сражений, несущие общую тяготу военных лишений все солдаты, казаки, матросы, добровольцы, легионеры — братья по тяжелой доле, по тяжкому Кресту, взятому ими на себя. Вот почему при встрече друг друга, при встрече начальника, или старшего они приветствуют друг друга. Они как бы

говорят без слов: «мы с вами... мы вместе... мы сила... и мы победим!»

О! как тут нужно быть внимательным и отчетливым.

П. 45 Устава подготовки пехоты говорит: «подчеркнутая отчетливость при отдаче чести показывает бодрый дух и воспитание части». П. 46 — «честь отдается короткими, резкими движениями; корпус выпрямлен»... Честь начинают отдавать за 6 и прекращают, пройдя 2 шага от начальника, или при входе начальника надлежит смотреть прямо на начальника, поворачивая голову в его сторону вплоть до плеча.

Без головного убора честь отдается немецким приветствием.

Казаки! Всегда и везде покажите тот бодрый дух, что живет в вас, что вывел вас из большевицкого застенка, привел в ряды германской армии и в ней покажите воспитание вашей казачьей части и гордость вашим войсковым и полковым мундиром.

Гордо и весело; приветливо и смело; по казачьи лихо исполняйте указания устава. При головном уборе резко выпрямляйте корпус, коротким движением прикладывайте

правую руку к головному убору; суставы кисти руки слегка выгнуты вниз, пальцы, как в положении «смирно». Правый локоть на высоте плеча. Левая рука неподвижна. Без головного убора — выпрямите корпус, если сидите — встаньте и коротким движением подымите вытянутую правую руку так, чтобы концы пальцев прились на высоте темени. Глаза на начальника.

Не стесняйтесь, казаки, отдавать честь отчетливо: это не стыдно, но красиво. Пусть те, кто видит вас, как вы приветствуете начальников и друг друга залюбуются вами и подумают: «экие, право, молодцы эти казаки! Как хорошо, что они с нами! Они настоящие солдаты».

Так — воспитание общее и воинское, вместе с муштрой, или наличие военной иерархии — постепенно и создадут война.

У нас, казаков — к этому присоединяется наше семейное, бытовое, вековечное воспитание, наша боевая кровь казачья, что зовет нас непрерывно на подвиг, что научает нас при всех жизненных переменах и невзгодах оставаться и быть казаками.

Старый казак

Дружеская помощь

По дороге на Запад идут люди. Мужчины, женщины, целые семьи с малыми ребятами. Кое-кто везет свой скарб на тачках. Многие идут с заплечными сумками и мешками.

За согбенными спинами людей гремят орудия и полыхают зарева пожаров. Кажется, что сзади них вся земля горит и содрогается от орудийных залпов. Земля в огне! И люди покинули ее. Они идут все дальше по дороге на Запад, зная, что это их путь к спасению. Они уходят из насиженных мест, из родных своих городов и сел, чтобы не попасть снова в лапы большевиков.

Но вот на дороге слышится скрип колес, лошадиное ржанье, окрики. Из-за поворота появляются подводы длинного обоза.

— Ой, Кубань, ты наша родина, — поет казачью песню нестройный хор молодых голосов.

— Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон, — несется откуда-то, из арьергарда. Это едут казаки. Мелькают красные башлыки всадников, бряцает оружие.

Обоз постепенно нагоняет бредущих по дороге людей, которые остановились, но не решаются просить помощи. Подводы и без того перегружены.

Поровнявшись с ними, обоз останавливается.

— Здорово, земляки! — приветствуют казаки пешеходов. Они не знают, откуда эти люди, но для них они земляки, ибо так же, как и казаки, уходят от большевиков.

Общность судьбы всегда связывает людей и вызывает их взаимную симпатию, особенно казаков и эвакуированных, и особенно при встречах на дорогах эвакуации.

Сидайте к нам, — говорят казаки и быстро помогают людям устроиться на возах. Обоз трогается, увозя людей дальше от фронта и большевиков.

Описанный нами эпизод не исключительный случай, а обычное явление. Казаки всегда помогают жителям временно оставляемых германскими войсками городов и сел. Об этом знают тысячи эвакуированных с Кавказа и Украины.

Советские агенты успешно распускают слухи, что якобы немцы, перед тем, как уйти из какого либо города, оставляют в нем казаков, которые грабят жителей и издеваются над ними.

Эту глупую ложь не трудно разоблачить. Тысячи эвакуированных — живые свидетели того, как казаки обращаются с населением. Многим из жителей Кубани и Украины казаки помогли спасти свою жизнь и имущество от большевиков.

Сейчас, по дорогам от Днепра до Балкан, раздаются вольные казачьи песни. И всюду веселые и смелые казаки — желанные гости и друзья, готовые выручить человека из беды.

А. Толин.

ВЕТЕРОК

Завивай, ветерочек, мети,
Мои песни на нитку нанизывай,
На своем быстрокрылом пути
Мои раны скорее зализывай.
Переливом цветистым одею
Звуки лиры моей монотонные
Ты в станицы, на Дон, прилетев,
Разбуди там головешки сонные.
Расскажи, как в чужой стороне
Казаков поредевшая рать
Собирается вновь по весне
За покинутый Дон умирать.
Завивай, ветерочек, мети,
Мои слезы на нитку нанизывай,
Не собьюсь я с прямого пути,
Ветерок мой пуховенький, низовый.

Николай Келин

Памяти отца моего есаула, который мне говорил:
«Вот, дочурка, напиши слово «КАЗАК», да прочти наоборот — справа налево, что вышло?»

— Снова «к а з а к!»

«Так запомни то на всю жизнь — как казака не переверни, хоть на голову поставь, а казак казаком останется.»

Людмила Заборская
Оренбургская казачка

Исторические очерки Дона

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолжение *).

XIX.

Выбор невесты. Смотрины. Сватовство. Рукобיתье. Сговор. «Подушки». Девишник.

Наступала пора женить молодца. Не его это была забота. Давно подумали об этом и не раз загадали родители. Сыну-казаку нужна и невеста казачка. В ту пору брак с иногородцами был редок; брак с иноверкой еще того реже. Это всегда были браки самовольные, без родительского на то благословения.

Сын еще и пятнадцати лет не имеет, а отец с матерью тихом, да молчком приглядели ему невесту. Чтобы и не родня была, и чтобы все таки своя была, с одной станицы или с соседнего хутора.

В доме невесты приглядываются к будущему жениху: «не пьет ли дуже? Не охальник ли? Не сквернослов-ли?.. Не развратник ли?..» И тем временем складывали и складывали приданое в большой сундук.

Когда наступало время женитьбы, обычно за год до отправления в полк на службу, когда минет казаку 20 лет, отец говорит сыну:

— Сынок, тебе время жениться. Мы с матерью выбрали тебе невесту. Она хозяйка домовитая и работающая.

— Воля на то ваша, — отвечал сын и кланялся отцу в ноги. После этого устраивались **смотрины** невесты.

Родители жениха с женихом отправлялись в дом родителей невесты на вечеринку. Собирались гости. Все уже знали в чем дело, но по обычаю и вида не показывали, что знают, почему вечеринка.

Гости, друзья родителей невесты, заводили разговор о хозяйской дочери, хвалили ее красоту и ум, называли ее доброю хозяйкой и просили, чтобы она поднесла им вина.

— Нешто и то, — говорил отец невесты, — покликать ее что ли? Мать шла в соседнюю горницу. Там невеста была подготовлена к выходу. Она была по домашнему одета, но принаряжена и прибрана для гостей. Она брала приготовленный поднос с чарками с вином и шла обносить гостей. Подав всем чарки, она, скромно потупившись, становилась в углу. Гости медленно пили и похваливали вино. Жених смотрел на невесту.

— Бог даст, — говорили гости, она и нас полюбит. Теперь уже знали в чем дело, но никто и вида не показывал, что знает.

Нужно было послать **сватов**. Получить согласие — не невесты — но родителей, на брак. Хотя о том и было сговорено давно, но на смотринах могли выйти перемены. Чем нибудь не понравился жених, — не невесте, невесту о том и не спрашивают, — а родителям ее. То-ли показался он слишком тихим, или напротив мало уважения им показал, тогда, хотя это и редко бывало — мог быть и отказ.

И тут — веками, с восточной, изящной цветистостью был выработан весь обряд сватовства. Сваты — друзья родителей жениха или их родственники — снаряжались в поездку и приодетые по праздничному, на телеге, запряженной добрыми конями ехали в дом родителей невесты. Здесь по первому взгляду, по всему приему хозяев было видно — отказ, или предложение будет принято. Родители невесты «причепурившись» выходили в чистую горницу и, после обычных поклонов, сваты говорили:

— Урядник Мосей Карпович и Маланья Петровна так что желают вступить с вами в родство.

Если слова эти встречали с поджатыми губами и серьезными лицами и отвечали:

— Благодарим покорно за доброе мнение о дочери, но только мы не можем собрать свадьбу.

Это означало отказ. Посидев не долго для приличия, поговорив о постороннем — о видах на урожай, о прошлой службе, сваты, не солоно хлебавши, уезжали.

Если было согласие, отец невесты говорил:

— Пойдите... Нельзя же так... Дайте посоветоваться, да и ее самую поспрашивать. Заходить на послезавтра.

Невесту когда спрашивали, а когда и нет. Она все равно не смела ответить иначе, как сказав:

— Воля ваша.

В назначенный день сваты приезжали с хлебом-солью на блюде, покрытом полотенцем.

— Отец и мать Гаврилы Миронова, — говорили они, — наказали вам кланяться и просить принять их хлеб-соль.

Хозяева молча целовали гостиниц.

— Дай Бог, — говорили сваты, — в добрый час!

— В добрый час! — отвечали родители, оборачивали руку суконною полою чекменя, сваты делали тоже и так подавали друг другу руки.

В этот же день, вечером, в доме невесты справлялось **рукобיתье**. Собирались гости, приходили девушки, подруги невесты. Жених приходил с родителями. При их входе все вставали и поздравляли жениха с невестой. Он кланялся в ноги будущим тестю и теще.

Девушки садились за стол, накрытый скатертью и уставленный чарами с вином и разными сладостями, домашними коржиками, винными ягодами, изюмом, пряниками, пастилами. Девушки переглядывались и запевали:

— По рукам ударили,

Заряд положили,*)

Варюшку пропили.

Пропили и хвалятся:

— Что-ж мы за пьяницы,

Что-ж за пропойцы?..

Помолчат немного, подмигнут невесте, прижмутся к ней, охватят ее руками и продолжают просительно:

— Родимый мой батенька,

Нельзя-ли передумати?

Нельзя-ли отказати?

— Нельзя, мое дитятко,

Нельзя передумати,

Нельзя отказати:

По рукам ударили,

Заряд положили...

«Заклад» положен. Дело кончено. Сват выводил на середину горницы жениха, отец невесты невесту. Их ставили рядом. Подходили родители жениха и мать невесты. При общем торжественном молчании отец жениха соединял руки сына и невесты его и говорил:

— По рукам ударили

Заряд положили...

Этим кончался обряд **рукобיתья**. На этой вечеринке долго не сидели. Жених и невеста бывали взволнованы. Назначали день **сговора**. Девушки накидывали верхнюю одежду и гурьбой выходили на станичную улицу. Они шли и пели: «Ой, заюшка, горностае молодой» и «Перепелушка рябые перушки» — по этим песням вся станица знала: **рукобיתье** состоялось.

На **сговор** созывалась чуть не вся станица. Родня жениха и невесты, свояки и друзья, кумовья и подружки жениха и подружки невесты. Тесно от народа в казачьем курене. Тесно и душно. Все принаряжены, казаки при саблях и пашках. Ярко горят свечи в медных шандалах. Блестит оружие, офицерские эполеты, самоцветные камни и жемчуга ожерелий на девушках. На столах гостиницы, свое вино. Женщины и девушки проходят в заднюю горницу. В доме жениха на этот случай приготовлено 10—20 блюд с крепделами, пряниками, орехами, изюмом, восточными сладостями — рахат-лукумом, халвой; наставлены кувшины с медом и сулей с вином: все это подружки жениха длинной вереницей несут в дом невесты.

Опять поют девушки, выводят жениха и невесту и они целуются. Жених с невестой обносят гостей вином. Подав последнему гостю чарку, невеста убегает в горницу и прячется за девушками. Жених идет «выкупать» ее. Он кладет на протянутый ему поднос серебро. Девушки задорно смеются:

— Ну, чего это надумали? Она ведь у нас золотая. Не дешево вам достанется.

Приходится жениху раскошелиться. Он достает золотой и кладет его на блюдо. Невесту выдают жениху и тот ставит ее в угол горницы.

В мужской горнице перебрали ладами гармоники, взвизнула скрипка... Девушки подходят к дверям, казаки выбирают казачек: сейчас будут танцы. Танцевали журавля и казачка.

Степенно и чинно выходят одна за другой пары. Каждая старается превзойти другую в красоте и лихости «выходки». Но вот все быстрее и быстрее играет гармонист, стучат под-

* См. №№ 17—23 «На Казачьем Посту».

*) Заряд = заклад.

ковки башмачков, извивается тонкий стан казачки, топает сапоги казака. Он уже пустился в присядку, хлопает ладонями по пяткам, прыгает, едва не касаясь чубатой головой потолка. Звенит посуда на столе, вспыхивает пламя свечей. Все приходит в движение. Плещут в ладоши, ухают, подбадривают таицующих криками:

— Ах, так, так!.. Ах, так и эдак! Эдак так!

Старый, подпивший сват идет показать, как надо плясать.

— По старинному!.. Глянь!.. А?!..

Он идет мелким шагом, стукнул в лад музыки каблуками, тряхнул седыми кудрями, повернулся, улыбаясь румяными щеками в густую бороду, и пошел за девушкой, широко размахивая руками. Та убегает от него, порхает легко ласточкой, семенит маленькими ножками...

Все устали, упарились. Душно. Открыли окна и двери. Пора и за ужин. Хозяйка несет большие миски с пшеном, с вареной бараниной, с курятиной, гусятиной. Все крестятся и чинно садятся за стол.

Первый голод утолен. Понеслись стройные песни о далеких походах, о службе, о грозном царе Иване Васильевиче:

— На светлом то было праздничке,
Праздничке Благовещенья,
Как стоял грозный царь,
Царь Иван Васильевич,
Со своими князьями с боярами,
Как да тех на князьях, на боярах
Платье цветное, на самом то царе
Платье кручинное...

Протяжные песни сменяются плясовыми. Загремела, застонала:

— Посею лебеду на берегу,
Омою крупную рассадушку...

И опять пляски до утра!..

За два дня до свадьбы справляли подушки.

Жених со своею роднею и знакомыми приходил в дом невесты смотреть приданое. По всем горницам курены на полу положены подушки, на столах разложено приданое. Жених с невестой первыми садились на подушки. Швей, шившие приданое, подносили им мед. Жених выпивал его маленькими глотками и после каждого глотка говорил:

— А и горек же мед!... Надо-ть подсластить!...

И целовал невесту.

Осушив чашу, жених клал на поднос швеям деньги.

После жениха и невесты на подушки садились другие казаки и казачки, пили мед и целовались. В них при общем хохоте и визге бросали подушками. Потом подушки убирали, приходили музыканты и начинались пляски.

Накануне свадьбы невеста справляла девишник. Это был ее последний праздник.

Под вечер, незадолго до захода солнца, она одна, или с какою нибудь старою женщиною шла на кладбище. Там она молилась на могилах родных и просила их загробного благословения на новую жизнь.

Тем временем в ее доме собирались гости «наволакивать подушки», а в дом жениха съезжались «каравай сажать». Каравай пекли торжественно с песнями. Стряпуха — по большей части мать жениха — накладывала тесто на лопату. Гости хватались за лопату, дружки и сваха освещали печь свечами ярого воска, обвитыми пестрыми лентами. Эти свечи потом дадут жениху и невесте при венчании.

С пеннем особой «каравайной» песни:

— «Каравай мой рай...
Сажаю — играю,
Сыром посыпаю,
Маслом поливаю.
Каравайное тесто
Побегло к месту,
По мед, по горелку,
По красную деву,

вынекали караван.

Караван готовы. Пышут коричневыми, усаженными орехами изюмом, корками. Гости жениха забирают их и несут в дом невесты.

Там, в праздничном свете свечей, на подушках, в кругу подруг сидит невеста в парадном уборе. На голове — высокая шапка, украшенная цветами и перьями; в косе золотой косник. Подруги поют грустно и протяжно:

— Кукуй, кукушка, не умолкай,
Не долго тебе куковать:
От велика дня до Петра...
Плачь, Варюшка, не умолкай,
Не долго тебе девовать:
А и с вечера до утра.

А и с утра до обеда,

А и с обеда часину:

Там тебе косушку расплетут,
Шелковый колпачек наденут...

С приходом жениха песня смолкает. Пришедшие садятся на подушки и пьют мед. Женщины разбирают легкие вещи из приданого и несут в дом жениха с песнями.

Вечер догорает в станице. Если дело не зимою — на рундуках сидят старые казаки. В окна глядят казачки. Звонко по станичным улицам раздается песня девушек:

— Оглянися, мати,
Каково у тебя в тате...
Пустым пустехонько,
Дурным дурнешонько...
Сестрицы подружки,
Да несите подушки,
Сестрицы Катерины,
Да несите перины,
А сестрицы Алены,
Да несите павильоны...
Метеная дорожка метена —
Туда наша Варюшка везена...
По дорожке василечки поросли,
Туда нашу Варюшку повезли,
Повеали ее помчали,
В один часок свенчали...

Длинной вереницей, в вечернем сумраке, мелькают цветные подушки, белые перины, коробка (павильоны) с платьями Варвары Михайловны. Вся станица знает без всяких приглашений, без приглашений писем: завтра свадьба сына урядника Гаврилы Моисеевича Миронова и Варвары Михайловны Котовой.

XX

Свадьба. — «Ведун», «поезжане». — Венчание. Девушки убирают по женски невестины косы. — Свадебный пир. — Подарки молодым.

Самый большой, торжественный, полный таинственных, задушевных, трогательных обрядов был свадебный день. Все, что было богатого, яркого запрятано в сундуках родителей невесты, в этот день доставалось, протиралось, разглаживалось и чистилось. Убирали невесту, как икону. Жемчуга и монисто из золотых и серебряных русских, турецких и персидских монет горели на ее шее и груди.

Со станичной церковной колокольни раздается благовест. Отец и мать входят к невесте. Отец в старом боевом мундире, мать в богато расшитом кубелеке. Невеста опускается перед ними на колени и родители иконой благословляют ее на брак.

Невеста прикладывается к иконе и говорит, вставая:

— Простите, батюшка... Мамаша, простите... Прощай родительский дом.

Слезы орбают ее лицо и алмазами сверкают на щеках и подбородке, отражая блеск камней.

Жених в парадном кафтане идет за невестой. Кафтан этот сохраняется из рода в род. Часто на женихе бывал надет кафтан, жалованный прадеду еще в царское время, в нем венчался и отец и дед его. Иногда венчальный кафтан был общественный, станичный. Он хранился в станичной избе, его надевали все женихи и по окончании венчания сдавали обратно в избу.

Жениха ведет «ведун». Он прелупреждает жениха о порогах. Если церковь недалеко, священник приходит в полном облачении с крестом и ведет брачующихся в церковь. За ним идут мальчики, братья невесты и близкие родственники и несут на расшитых кружевами, золотом и серебром пеленах благословенные образа. Вокруг жениха идут его товарищи — поезжане. Рукава кафтанов у них повязаны расшитыми полотенцами. Если церковь далеко, или нужно ехать в нее с хутора — запрягались телеги, зимою сани. Все парадно и пестро убрано коврами, лентами и полотенцами. Как вычищены и блестят шерстью кони! Как подобрали масть в масть, рубашка в рубашку. Под невестой обязательно серой масти. Сколько «поезжан» гарцует кругом верхом на легких аргаманках. Все «причепурены», при саблях, или шашках. На дугах пестрые ленты; звенят колокольцы и бубенцы. На поезжанах полотенца и ленты реют по ветру. Несутся с гиком, с веселыми криками через луг, степью, в станичную церковь, к мерным зовам колокола.

Чинно идет венчание. Задушевно и красиво поет церковный хор. Гудит голос диакона. Затяв дыхание следят, кто ступит первый на атласный коврик перед аналоем — жених или невеста. Кто первый — тому и владеть и верхово-

дять в доме. Да разве, какая девушка посмеет показать при всем народе себя. Разве уж очень красивая и богатая, а знающая себе цену озорная казачка.

Поют «Исайе ликуй». Обводят венчающихся под золотыми венцами вокруг аналой. Конечно — свадьба завершилась...

Подруги обступают молодую, ведут ее в притвор, сажают в кресло и ближайшие подружки, расплетают ее девичью косу и укладывают волосы по женски на двое, обвивают ими голову и надевают шапку — по войнику. Окружающие девушки печально поют:

— Не золотая трубушка вострубила —
Рано на заре восплакала Варюшка.
По своей русой косе: —
— «Свет моя косушка русая
Что родная маменька плела,
Она мелко намелко переплетывала,
Мелким жемчугом усаживала...»

Медленно, опустив голову в женском уборе, идет невеста из церкви. Мчатся поезд троек и пар, скачут бешено поезжане. Звезят бубенцы, реют ленты. Кричат верховые. Мчатся к дому жениха.

На крыльце куреня стоят родители молодого с хлебом — солью на блюде. Они поднимают блюдо в уровень с плечами. Все гости идут вперед и сгибаются под блюдом. Они проходят и становятся по бокам у мешка с пшеницей и другим хлебным зерном, перемешанным с хмелем, орехами, пряниками и мелкими монетами.

Последними проходят под хлебом молодые. На них сыпят из мешков зерно, орехи, деньги...

— Богато!...

— Богато жить! — говорят кругом.

В чистой горнице накрыт стол. Вино налито по чарам. Все становится кругом, принимают чары. Отец молодого, или,

если присутствует почетным гостем станичный атаман, то он поднимает чару:

— Про здравие Государя Императора!...

Гремит дружное ура.

— Про здравие войскового атамана!

— За все наше великое войско Донское!...

— За молодого князя и княгиню!

Тут тесть и родные одаривают молодых.

Отец передает сыну драгоценную шашку. Тесть поднимает молодому и говорит:

— Выйди, Гаврюшенька, на часину, шо я тебе покажу...

Они идут на заднее крыльцо на двор. Гости следуют за ними. На дворе казак держит поседланного черкесским седлом заветного скакуна теста.

— Владай! — говорит тесть и, обернув полою повод, передает коня зятю. — Владай!... езди!... Береги!...

Слезы на глазах у обоих.

Невесту одаривают платками и материями.

Пир идет до утра. Поют одадебные песни. Старый дед поднимается в голове стола. В руках у него серебряный кубок, отбитый у турок еще в Азовские походы. Цымляское шилучее вино сверкает в нем; розовыми каплями брызгает на скатерть. Все встают.

— Желаю здравствовать, — говорит дед, — князю молодому с княгиней. Князю отцу, матери, дружкам со свахами и всем любящим гостям на беседе, не всем поименно, но всем поровенно. Что задумали загадали — определи Господи тайн и счастье. Слышанное видеть, желаемое получить, в чести и в радости нерушимо!

Все гости в голос отвечают:

— Определи Господи!

И опять поют одадебные песни.

П. Краснов.

(Продолжение следует.)

Лбищенский рейд

(Продолжение)

Штаб фронта Уральской казачьей Армии помещался на площади у церкви в одном из лучших казачьих домов, поселка Каленого. Это можно было заметить по легковым машинам безпрестанно подъезжавшим и отъезжавшим. Тут же, у наспех поставленной коновязи, у привязанных лошадей дежурили связные казаки от полков. В эти дни обширный казачий дом на подклете жил особо напряженной жизнью.

3-го сентября 1919 года, после обеда, в Штабе фронта было назначено особо экстренное совещание, куда приглашались срочно явиться все командиры пеших, конных полков и батарей. Связные оббежали расположенные разбросанных подразделений и передали распоряжение Атамана.

Вокруг дома были поставлены усиленные караулы из конных казаков с приказом никого не пускать.

Срочные допесенки приказано передавать дежурному офицеру. Все приготовления говорили об одном, что событие носит особо важный характер.

Командиры полков, подъезжая к штабу, отлаивали коней ординарам, шли на 2-й этаж, где намечено было совещание. Ординарцы расходились по площади и вскоре все прилегающие плетни и заборы были заняты привязанными лошадьми и разговаривающими около них ординарцами.

За составленными в ряд столами сели по старшинству. Под образами — сам атаман Толстов, рядом с ним — беленький старичек — генерал — представитель Добровольческой Армии Деникина. По другую сторону — Нач-к Штаба полковник Моторнов, дальше сели: Нач-к дивизии — генерал Сладков, бывший командующий Славянским фронтом — полковник Николай Николаевич Бородин, один из популярных офицеров в войске, за ними шли другие генералы и командиры полков. Комната не могла поместить всех присутствующих, поэтому мно-

гие к-ры полков стояли в другой комнате. Загоревшие, огрубевшие от степного солнца и ветра, лица офицеров, наплечные ремни, револьверы в кобурах, пропотевшие гимнастерки, у некоторых небритые лица, все это говорило о тяжелых боях и переживанных последних дней.

Атаман Толстов, старичек генерал Добрармии, п-к Моторнов, генерал Сладков, п-к Бородин, к-р 5-го партизанского полка п-к Абрамов, п-к Албин и другие генералы, склонившись над картой фронта, о чем то горячо совещались. Ближайшие к ним командиры полков тоже принимали деятельное участие. Иногда атаман Толстов обращался к кому нибудь из заслуженных к-ров полков и все внимательно выслушивали его мнение.

Наконец атаман поднял пернач и все затихли.

— Все ли здесь к-ры полков?

Дежурный офицер, отмечавший прибывающих офицеров, сообщил кого нет. Таковых оказалось немного — и те были заняты срочно по службе какими либо боевыми делами.

— Мы не будем ожидать остальных — время не терпит. Открываю срочно совещание. Господа офицеры, я собрал вас сюда чтобы разрешить один основной вопрос: что нам делать дальше?

Вследствие подавляющих сил красных — мы отступаем. До Гурьева нам остается каких нибудь 200 верст. Отступать дальше некуда: там море и пустыня. Да и можем ли мы отступать дальше? Нет. Почему? Да потому, что здесь на Низовой линии нам нечем кормить людей и лошадей. Уже сегодня не хватает корма для конского состава. Еще несколько дней и у нас начнут дохнуть копи. А потерять коней — проиграть войну. Следовательно мы должны что то предпринять, не откладывая решения ни на один день. Здесь, ожидая вас, мы имели предварительное совещание, в результате обмена мнений

выявились два основных решения: я дам возможность высказаться двум представителям различных мнений.

Атаман повернулся в сторону старичка генерала Добрармии.

— Прошу Вас, Александр Витальевич...

Беленький генерал, тщательно выбритый, с седыми усами и седыми, редкими волосами, тщательно причесанными, начал:

— Господа офицеры, коротко мой план сводится к следующему: лобовому удару, который за последнее время применяют красные, мы должны противопоставить массивный удар наших сил. Неудачи последних дней вызваны тем, что мы избрали пассивный метод борьбы — оборону, отдавая в руки противнику инициативу. Сейчас мы обязаны вырвать инициативу из его рук и одним сокрушительным ударом разбить его и принудить к отступлению. Для этого мы бросаем в дело все наличные силы. Артиллерия обрушивает сокрушительный огонь по позиции противника, имея основную задачу: подавить батареи, пулеметные гнезда и живую силу красных. При поддержке артиллерии пехота идет в атаку, в это время все силы нашей конницы, сосредоточенные на флангах, тоже идут в атаку. Главный удар наносит конница левого фланга, охватывая правый фланг красных и отрезая пути к отступлению. Противник, взятый в тиски, вынужден будет или потерять живую силу или спешно отойти к Уральску.

Толстов обратился к Начальнику Штаба Армии.

— Вы, Евгений Алексеевич.

Начал полковник Моторнов:

— Я позволю себе высказать несколько иные соображения тому, что высказал здесь господин генерал.

Мы знаем артиллерию красных по последним боям. Красные имеют хороших артиллеристов и достаточное количество орудий и снарядов. Насколько мне известно, в нашем распоряжении нет цифр, на основании которых мы сказали бы, что мы в значительной степени превосходим артиллерию красных по количеству. Кроме того красные имеют довольно энергичную пехоту, превосходящую нашу пехоту по количеству.

Не подавив батареи и пулеметные гнезда красных, мы рискуем сорвать атаку нашей пехоты и конницы. Надо принять во внимание: конский состав за последнее время обессилел, благодаря непрерывным боям и безкормице. Учтя высказанные соображения мы рискуем тем, что наша конная атака захлебнется прежде, чем сделает охват флангов.

— Так что же нам делать?

Создать крепкий ударный кулак из лучших полков, придать батарее — две, чтобы не связывать движения и, обойдя Кушумской долиной правый фланг красных, ударить на штаб фронта и 25 дивизии, т. е. на самого Чапаева, который по данным разведки находится сейчас в Лбищенске.

Старичек, генерал Добрармии попросил у атамана высказать несколько замечаний. Толстов кивком головы разрешил.

— Разбив наши силы на две части мы ослабляем ударную силу нашего кулака, составленного из всей армии. В случае неудачи налета на Лбищенск мы рискуем тем, что оставшаяся, ослабленная часть не выдержит удара красных со стороны Сахарной и быстро откатится к Гурьеву. Я все же отстаиваю свой вариант.

Вновь выступил атаман Толстов.

— Господа офицеры. У нас нет времени много говорить, мы должны немедленно действовать. Коротко — у нас имеется два варианта: удар на Сахарную всей армией или удар на Лбищенск лучшими полками... Я спро-

шу некоторых командиров. Вы, генерал Сладков, вы, полковник Бородин, вы...

Старые генералы и полковники в большинстве высказались за удар на Сахарную, молодые же командиры полков, полковники Бородин, Абрамов, генерал Сладков — за удар на Лбищенск.

Атаман поднял пернач. Все замолкли. Наступила тишина. Все ждали что скажет атаман. И атаман начал:

— Господа, я внимательно выслушал обе стороны. Присоединяюсь к удару на Лбищенск. Командиром рейда назначаю генерала Сладкова, заместителем — полковника Бородина Николая Николаевича. Выделить полки: 3-й Чижинский — есаула Хохлачева, 5-й партизанский — полковника Абрамова, две батареи, 1-й учебный, 2-й учебный... — Атаман перечислил следующие полки. — Всем командирам подготовиться и выступить с наступлением темноты. Взять резко на запад и, обойдя правый фланг красных, по Кушумской долине, идти на Лбищенск. Всем к-рам выделенных полков — сейчас идти к своим полкам, подготовиться и ждать выступления. Генералу Сладкову и п-ку Бородину остаться для получения дополнительных инструкций.

Вечером, уже в сумерках, к-р 3-го Чижинского полка есаул Хохлачев говорил своим офицерам:

.....Хотели угробить нашу армию — повести атаку в лоб, а мы молодые к-ры полков настояли идти на Лбищенск. Атаман взял нашу сторону. Сейчас никуда не расходиться, скоро выступаем.

В ночь, как только на небе высыпали звезды, полки двинулись в степь. Взяти резко на запад от Каленого. Приказано было соблюдать строжайшую тишину. Николай Мякушин ехал впереди 3-й сотни с прапорщиком Невзоровым — к-ром 1-го взвода. Впереди в темноте виднелись спины казаков и крупы лошадей 2-й сотни. Лошади сдержанно фыркали. Иногда звякало стремя о стремя. Казаки тихо переговаривались. Чувствовалось движение большой людской и конной массы.

Проскакал вестовой. На ходу спросил:

— Где командир Чижинского полка есаул Хохлачев?

— Там... впереди смотри.

Вестовой скрылся в темноте.

У красных под Сахарной, по линии фронта, горели костры.

Мерно покачиваются казаки в седлах. Время идет и неизвестно сколько прошло, то ли два, то ли четыре часа. Сначала огни под Сахарной оставались справа, потом сзади, а потом чуть приметными звездочками стали мерцать опять справа и сзади, пока не побледнели, не растворились совсем в дали. Остались только звезды вверху и темнота. Впереди кто то уверенно вел полки к намеченной цели. — «Ктонибудь не низовских казаков, они эти места знают, как свой двор» — думал Николай.

Он думал о семье. «Где то они теперь. Что делают. Понять бы отца, мать, братишек, сестренку, да опять в полк. Когда теперь увидимся». О предстоящем бое он старался не думать. Все равно ничего не придумаешь. Мысли приняли скачкообразный характер. Думал о новоузенских знакомых барышнях, о том, о сем. Иногда голова его резко тыкалась вперед: «Вот черт возьми, неужели задремал». Впереди остановились.

— Что там такое.

— Оправиться. Передайте по цепи...

Казаки слезали с коней, разминались.

— Эх, закурить бы сейчас...

— Курить нельзя... Строгий приказ...

Команда: «Садись». И опять ночь, степь, звезды и мерное покачиванье в седле.

Шли всю ночь. К рассвету пришли на небольшой ху-

торок Усов. На хуторе не было даже собак. Раскрытые двери, окна, поломанные ворота. Здесь недавно бригада красных попала под перекрестный огонь казаков. У колхозцев красноармейцы дрались за кружку мутной жижки.

Всходило солнце. Воздух был удивительно чист и прозрачен. Рядком лежали трупы красноармейцев. Их было до 15-ти трупов. Босые, белые ноги, какие то странные в своей безжизненности, почерневшие лица, остекляневшие глаза, простое солдатское обмундирование, черная, запекшаяся кровь на брюках и гимнастерках. Даже предать земле их не успели. Странно было то, что даже ни одной мухи над ними не было, до того чистое и свежее было утро.

Казак бородач, видно из староверов, слез с коня, размял ноги, долго смотрел на убитых:

— Получили по три аршина казачьей земли — теперь лежат...

С выработанной сноровкой старого казака вскочил в седло и тронул рысью за сотней.

Уже и хутор Усов остался позади, а полки все шли и шли по Кушумской долине. В долине чуть зеленела трава. Солнце уже перевалило за полдень, когда полкам было приказано спешиться и расседлать лошадей. Категорически запретили жечь костры. Приказано питаться сухим пайком. Расположились среди камышей. Весной здесь на несколько километров тянутся разливы. Утки всех пород выводят многочисленное потомство, а по-

том улетают. С зари и до зари стоит гогот и крик. Сейчас камыши были сухи, утки улетели, кое-где в низинах оставались небольшие лужицы, здесь и напоили лошадей. В стороне пролетели два небольших самолета-разведчика. Над камышами понеслась резкая команда:

— Ложись. Не вставай. Убрать лошадей в камыши.

Самолеты почему то покружились в стороне от становища и улетели в направлении к Лбищенску. У всех один вопрос:

— Заметили. Не заметили. А что, если заметили. Плохо, братцы.

— А может не заметили — стороной кружили.

Николай с прапорщиком Невзоровым и вахмистром Пылаевым разулись, закусили вареным мясом, положивши головы на седла, заснули. Проснулись под заход солнца, прошли по стану, посмотрели лошадей, казаков и опять послали, что нашлось в тороках.

Перед вечером казачьи разъезды захватили с десятком подвод обозников из Лбищенска. Ездили в степь за сеном. Их повели на допрос к генералу Сладкову.

На сколько хватал глаз — по разливам виднелись казаки и пасущиеся кони.

В 11 часов ночи приказано было седлать и трогаться в прежнем порядке.

А. Погодаев.

(Продолжение следует.)

Т а и с

(Продолжение)

V. МОЛОДОЕ ВИНО.

Батюшка оказался прав. Жизнь быстро успокоилась и вошла в новую колею. Анархия прекратилась. Было создано волостное правление, причем «господа старики» играли на сходке решающую роль. Откуда-то появились в селе мужчины, новая власть энергично погнала людей на работу — тут люди спохватились, что время проходит, а в степи очень многое не убрано. Хозяйственный год, начавшийся при колхозном строе, должен был также и закончиться. Ожидавшим моментального перехода к иной форме землепользования пришлось убедиться, что сначала они в прежних рамках должны доказать свою работоспособность, а потом уже думать об осуществлении заветной, исконной мечты русского крестьянина — о своей земле.

Недели через две после вступления германских войск появились в селе первые отпущенные военнопленные. Это был, вероятно, первый случай в военной истории: люди, взятые с оружием в руках, здоровые, боеспособные, приходили домой еще до окончания войны. Много внезапно помолодевших и похорошевших женщины гуляло по селу с мужьями, переодевшимися в заботливо сохраненную для них одежду. Зато каково было тем, которые ожидали напрасно! Фадеевне долго пришлось протомиться, пока и в нашем доме раздался мужской голос и хозяин твердой рукой взялся поправлять то, что осело и ослабело без него в хате и во дворе.

В одно октябрьское воскресенье мы пошли с Тасей вниз — так обозначали подгорную часть села. Я уже ориентировалась в местности и начинала любить этот своеобразно сильный, спокойный ландшафт из простых элементов. Огромная, безводная степь, медленно поднимающаяся, уходит к югу, к далеким, никогда не видимым горам Кавказа. В селе степь обрывается почти отвесно кручей

в плоскую и плодородную долину Кумы. Дожди размывли обрыв, изрезали его оврагами и трещинами. Глинистый грунт обнажен. Крутые тропинки сбегают вниз. Там — «артезаны» с чистой, сладкой водой, белые хатки стоят тесно, как-то по-украински уютно, обсажены садками. От двух широких как проспекты улиц отходят кривенькие переулочки. Там можно купить помидоры, фрукты, огурцы; осенью — сменять пшеницу, которой много наверху и мало внизу, на молодое вино. За ним то мы и шли, таща мешки с тяжелым зерном, чтобы отпраздновать возвращение из плена мужа моей Фадеевны.

Мы перебрались через канаву с почти неподвижной воющей водой — жалкий остаток прежней системы орошения, питавшейся водой из Кумы. Теперь по канаве текла только слабая струя от артезана. Какие-то колючие кусты густо росли вдоль нее. Мы вошли на небольшой, чисто разметенный двор с цветными клумбами, совершенно непохожий на пустынный двор Фадеевны. Стол и стулья под огромной шелковицей, дальше — садик с яблонями и грушами, окопанными земляными валиками; к каждому дереву проведена канавка; на кольях плетня, отделявшего сад от соседнего участка — опрокинутые кувшины. Я с недоумением озираю всю эту благодать. Тася прошла в дом и вышла с хозяйкой, молодой, русой, одетой по городскому и не без изящества. Это была ее подруга Нюра, тоже завмаг в кооперативе внизу. Ее лавка и теперь работала и была открыта. Нюра очень приветливо поздоровалась, усадила нас за стол и вынесла сушеных абрикосов и вишен в глубокой тарелке.

Свешали пшеницу и налили из боченка вина в две четвертные бутылки зеленоватого стекла. Я хотела уже собираться домой, но Тася отозвала подругу в сторону, пошептала с ней и объявила, что пойдет на минутку к куме — вот тут, за углом. Конечно, этого следовало ожидать: Цхария работал сторожем в виноградниках и почти

*) См. №№ 20—22 «На Казачьем Посту».

не появлялся в селе, а Тася была очень занята в военной кухне. Видеться им стало трудно.

— Вы только не поругайтесь без меня! — погрозила она пальцем.

— Из-за чего нам поругаться?

— Ну, как же! Анна Федоровна за немцев...

— Я пока ни за кого, я присматриваюсь.

— Ладно, знаем! А мы с тобой, Нюра, как родились революционерками, так революционерками и умрем!

И с этим звонким заявлением она исчезла. Мы остались с Нюрой вдвоем. Я сказала ей, как меня удивляет разница между пустынной верхней и зеленой нижней частью села.

— А это видите как, — сказала она: — раньше и наверху сады были, ну, конечно, когда хозяева своих лошадей и быков держали, тогда можно было сколько угодно воды привозить, а без поливки, сами знаете, сады жить не будут. И наши скоро пропадут, ведь третий год плотины нет. А потом там сады повыврублены, когда усадьбы по двадцать соток нарезали, они ведь больше на задах были, ну, а теперь зады ничьи стали, пустыне лежат.

Эти пустыри с пеньками, где собаки бегали да паслись телята, уже давно меня изумляли.

— Замечательная система хозяйства! — воскликнула я: — ни скота, ни садов! Значит колхоз-миллионер состоял из нищих колхозников?

Она недовольно посмотрела на меня.

— Теперь многие критикуют, — заметила она не без едкости, поджимая губы.

— Не сердитесь, Нюра. Расскажите, что это за вино у вас?

— Самое простое, сама надала. Вам бы Сяльвана попробовать! Это вот вино, такого и в Москве нет. Белое, сладкое, а пахнет!.. Раньше его много делали, когда еще виноградники свои были. Так, знаете, если год хороший, осенью, бывает, вина девать некуда. Во всех дворах бассейны вымоют, да вином вместо воды и нальют.

— Не может быть!

— А вот может. Да и недавно, в третьем году, в бассейнах вино было, только не свое, Садвинтрестовское. Ну, все равно, пили, понятно.

— Еще бы не пить!

Мы говорили, говорили, и все невольно попадали на острые темы, на которых в самом деле можно было поругаться, а Тася все не шла и не шла... Наконец, мы соскользнули на вечную женскую тему — сплетни об общих знакомых, и так провели безконечные два часа, пока вернулась Тася.

За это время она научилась молчать и играть роль. По ней совсем не было видно, какой важный разговор только что был у нее и что делалось в ее душе.

Когда она пришла в маленькую сторожку среди голубоватых от купороса виноградников, Цхария спал. Она окликнула его, он сейчас же вскочил.

— Ты! — сказал он удивленно и радостно.

— Я на минутку, еле вырвалась. Ох, когда же этому конец будет! Все крадьком, все крадьком, как несчастные какие.

Он с упоением слушал ее голос, не вникая в смысл слов.

— Как ты пахнешь, сказал он, дыша теплом ее груди сквозь розовый шелк праздничной блузки. — Чем это?

— Духами, — неохотно ответила она.

Опять Вилли твой?

— Нет, офицер подарил.

— За какие же особые заслуги?

— Ваню!

— Не буду, не буду, — сказал он, выпуская ее талию.

После памятного взрыва в овраге он стал осторожен с Тасей, не мучил ее ни ревностью, ни особыми распро-

сами, предоставляя ей спокойно вживаться в новую обстановку и завоевывать доверие. Другие, более крупные планы шевелились у него в голове. Теперь, по его расчетам, пришло время их осуществить.

— Слушай, милая, — начал он: — хочешь сделать большое дело? Такое, чтобы орден заработать?

— Хочу, — живо отозвалась она.

— Так, вот.

Он встал с койки, на которой они сидели, обнявшись, и прошел из угла в угол — всего четыре шага.

— Ты мне много рассказала, как эти враги здесь живут. Ну, как дома, ничего не боятся. Они думают — все за них. Неправда! Пускай они это поймут.

Он поднял клеенку с хромового столика и достал из под нее пакетик, запечатанный голубой почтовый конверт без адреса. Что то пересыпалось в нем.

— Ты там у них на кухне, тебе это легко. Здесь соль — высыпь в какойнибудь суп, чтобы никто не видел, понятно. Только сама не кушай.

— Ваню, что это?

Она со страхом смотрела на голубой конверт. Цхария засмеялся.

— Сказал, соль. Чего испугалась?

— Ваню... отраву?

Тася прошептала это едва слышно. Ваню положил руки ей на плечи.

— Да. Отраву. Не бойся, это очень просто. На войне всегда убивают. И огнем, и ядом. Кто убьет — герой. Ну, понимаешь — опасное дело.

Тася дрогнула. Он по своему истолковал ее колебание.

— Нет, не бойся. Ты с работы уйдешь, как всегда, еще ничего не будет, и прямо ко мне. Мы с тобой сейчас же вместе — дальше, к папим, ты ничего и не увидишь. А их скорчит, как крыс, они и подохнут.

Тася вдруг увидела, как корчится и издыхает Вилли со своими седыми висками, и ее затошнило. Потом пришла другая мысль:

— А что же здесь будет? Ведь ты сам говорил, что за одного немца целые села сжигают, а тут вдруг их столько сразу...

Цхария странно посмотрел на нее и губы его шевельнулись, произнося короткое слово, которого она не слышала.

— Что ты сказал?

— Ничего, — отвечал он с раздражением. — Вижу, ты не хочешь. Тоже передалась? Как эти идиоты-колхозники? Хорошие немцы, никого не обижают, духи дарят, конфетами угощают? Покажут они еще конфеты.

— Ваню, да разве я что говорю?

— Я не слепой, вижу, — мрачно сказал он.

Они замолчали. Голубой конверт лежал на столе.

— Иди, тебя там ждут, — сказал он, отходя к окошку и смотря на освещенные солнцем конические лозы у высоких жердей. Гроздь крупного позднего винограда матово светилась под большими, в голубых пятнах, листьями.

Тася подошла к нему сзади и положила голову ему на плечо. Он, не оборачиваясь, погладил ее волосы.

— Бойсья, не можешь, — услышала она глухой голос: слабая женщина, не герой...

— Я... Ваню... я попробую...

— Не падо.

Он повернулся к ней. Его лицо было бледно, в поту.

— Прощай, Тася. Мне теперь нельзя здесь оставаться. Прощай. Иди.

— Что ты говоришь?

— Разве не понимаешь?

Они молча смотрели друг другу в глаза. Смертная тоска, боль разлуки. — по ее вине... Она не вынесла.

— Вот! — воскликнула она, живо поворачиваясь, и схватила со стола конверт. — Сделаю!

И она смотрела на него, ловя выражение счастья в его лице. Но оно сверкнуло на мгновение торжеством, победой — и он тотчас отвел глаза. Впрочем, уже в следующий миг он целовал ей руки и говорил о героизме, о высокой награде, ожидающей ее. Однако, первое впечатление не рассеялось, и по пути к Нюре Тася все время думала о нем, а также и том, что за слово она не расслышала. Она невольно складывала губы так, как он тогда. Получилось...

да, она не решалась признаться себе в этом, но получилось слово, в самом деле, короткое, и такое — такое неподходящее...

— Ду-ра!

Нет, не может быть! Верно, что нибудь по грузински.

Голубой конверт за тугим лифчиком колот ей грудь. Что то непонятное, гораздо глубже, колотило ей сердце.

Т. Левшина.

(Продолжение следует.)

Сумасшедший прыжок

То что я расскажу это самая настоящая быль, известная моим сослуживцам, рассеянными в данное время по всему миру.

Посылают наш Лейб Казачий полк в Лифляндию, где в то время были беспорядки.

Перед этой командировкой мой любимец жеребец пал от колки и по моей телеграмме отец спешно выслал мне с Дона другого коня; он был уже езженный, но надо было изучить друг друга и целыми днями мы не разлучались и под седлом и без седла прыгали через барьеры.

В назначенный день погрузились, прибыли в Лифляндию, перегружаемся на узко колеиную ж. д. Смешно было видеть узкую колею, маленькие вагончики на четыре лошади, а когда кто из казаков прислонился к вагону, он качался. «Гляди опрокинешь!» острили казаки.

Подхожу к одной из веселых групп, казаки спрашивают: «Ваше Высокоблагородие, а что здесь на вагоне написано?»

Вижу печатные буквы «Л.П.П.». Это означает Лифляндские подъездные пути.

«Ну, а Бодрухин говорит, что означает это лучше пешком пойти».

Общий хохот.

Наша сотня, штаб полка, учебная команда разместились в замке Вольмарсгоф. Стали нести службу разъездов по всем направлениям.

Вскоре было замечено, что выданные нам карты местности не точны и командир полка приказал офицерам произвести маршрутные съемки, для проверки карт и внесения в них всего недостающего.

Каждому офицеру был назначен район съемок. Мне достался участок в 20-ти верстах от нашей стоянки.

Любил я ездить всегда один, а потому весторого с собой не брал.

Надо было быть всегда при оружии, а теперь иметь при себе и планшет с компасом для съемок. Вооружившись всем необходимым, поехал я на свой участок.

Путь мой проходил через городок Вольмарсдорф, а потом все лесами, которых здесь было много, два три раза приходилось в брод переезжать реку Аа, на редкость красивую, текущую среди хвойных лесов в песчаном русле и с таким же дном, с такой чистой водой, что видно все дно.

Время было летнее и я каждый день ездил на своем коне сюда и вместе с ним плавал.

На моем участке попадались и торфяные болота, через одну такую гать был проложен солидный каменный мост, к которому вела шоссеная дорога, все поднимающаяся к мосту, т. е. мост над гатью проходил на высоте 4-х сажень, а под мостом не вода, а зеленая трава, мох, местами мочижники, кругом лес.

Я тщательно все это начертил в своем планшете и поехал вглубь своего участка.

В лесу тихо, еду, наслаждаюсь. Вдруг мой конь сразу сделал поворот налево кругом, от неожиданности я едва усидел в седле. Набрал поводья, хочу повернуть, а конь не поворачивается, настанваю, а он поднимается на дыбы.

— Да ты ошалел, — говорю ему вслух. — Успокойся, ну я потреплю тебя по шее, чего испугался. Не повернешься — накажу.

Но на все мои попытки повернуть, он встает на дыбы. Тогда дал ему шпоры и пол версты я прошел карьером.

остановил и теперь повернул. Еду и не могу понять в чем дело.

Продолжаю съемку, через час та же история и то же мое наказание. Я в недоумении.

Так ездил я неделю на свой участок и так, раза по два-три конь проделывал свой номер в каждой моей поездке.

Съемку я сделал, все вычертил и решил в последний раз проехать на участок, чтобы записать подробней легенду к съемке.

Еду по хорошо мне знакомому мосту, через торфяную гать, вдруг конь на мосту делает свой обычный трюк налево кругом; не желая дать ему успеть повернуться, натянул поводья, зажал шпорами, но конь успел стать головой к перилам моста на дыбы и махнул через перила.

Высота четыре сажени. Момент захватило дыхание, второй момент мы хлопнулись в торф и сразу загрузили по самое седло. Бьется конь в густом торфе, вязнут его ноги, выбивается из сил, ноздрями уткнулся в торф, не может дышать.

Соскочил я с седла, по грудь сам вязну, поднял ему голову, фыркнул конь торф из ноздрей, но вижу я сам все глубже ухожу в торф; заметил в 3-х сажнях растущую березку, побрел к ней, вылез на ее корни, кругом нее почва крепче. смотрю на коня, он временами конвульсивно бьется, хочет вылезти, а сам все глубже тонет и опять ноздрями уткнулся в торф.

Вязну гибнет конь, бросаюсь к нему опять по грудь в торф, вытаскиваю его голову, снял поводья с шеи, отцепил чумбур, связал с поводьями и опять вылез к березе; одной рукой держусь за березу, другой тяну за чумбур и понукаю коня голосом.

Ближе, ближе подтягиваю его к себе и через пол часа обоюдных стараний вытянул коня к березе.

На ее корнях мы кое как утвердились. Конь дрожит, куски торфа с него падают, то одной, то другой ногой он проваливается между корнями березы, хрипит.

Но в трагическом бывает смешное, смотрю на него, он как чорт лохматый от торфа, я засмеялся и вслух ему говорю: «Ну и дурак, из дураков дурак!»

В кармане у меня была щетка с зеркальцем, посмотрел на себя, а я и сам не лучше коня: белый китель стал весь темно коричневым, лицо такое же, хотел вытереть платком, а в карманах полно торфа, взглянул на планшет, а там и следа моей съемки нет, одна чернота.

Осмотрев коня и себя, надо было думать о выходе отсюда.

От березы до шоссе всего 3—4 сажени, само шоссе идет по высокой насыпи; привязав коня к березке, пошел исследовать это место, и сойдя с корней провалился по грудь в торф; конь без меня стал волноваться, вертеться вокруг березы, хрипеть.

Вижу нельзя вести сюда коня, загрузнет опять и вторично его не спасу.

Стою, жду и, глядя на проклятое болото, вспоминаю: родной Дон, — себя мальчишкой в степи на коне, простор, никого не видно, вдали небо сошлось с землей, я один в океане степной травы и было мне любо нарушать покой и тишину степи криком, каким позволяла молодая грудь, и нарушив ее покой, и вызвав тишину на поединок, скакать на коне и раз-

бывать тишину ветром, до собственной усталости и взмыливания коня.

Там не было таких подмы: тряси.

Слышу разговор, прервал воспоминания.

Смотрю идут трое по шоссе, вспомнил о револьвере, отстегнул крышку от кобуры.

Кричу идущим они в недоумении смотрят на меня не понимая, как мог залезть в такое место человек с лошадей.

Слышу говорят между собой по латышски, показываю им знаками, чтобы помогли мне выбраться. Они постояли, махнули мне рукой и ушли.

Не к добру отмахнулись от меня, подумал я в горе, но решил еще ждать случая. Прошел час ожидания, опять говорю на шоссе, смотрю с другой стороны шоссе идут шесть человек и что-то несут на головах, представилось, что похороны.

Оказалось трое отмахнувшихся от меня, в сообществе других, несут несколько с петель снятых ворот, сделали из них настил по торфу, от шоссе к березе и по такому качающемуся деревянному мосту я вывел коня.

Вынул кошелек, вытряхнул на него все, что там было на ладонь одному из моих спасителей и был смущен, что оказалось всего только 45 рублей, потряс им в благодарность руки, сел на коня и поехал домой.

Проезжая через город Вольмарсгоф, видел как народ останавливался и в недоумении смотрел на меня, а когда приехал в замок, был встречен хохотом офицеров:

— Стой. Кто тебя так отделал?

Рассказываю. — Ну, а что же теперь в твоём планшете?

Раскрываю со словами: Сотворение мира, видите неображен мрак и хаос.

— Стоило тебе из за этого ехать неделю, сразу бы так размазал и сдал.

Начались расспросы: почему конь не поворачивается?

Хотел им продемонстрировать на примере и повернуть коня, а он взвился на дыбы и вскопал в густые заросли сирени, бывшие в саду замка.

Я закрыл лицо рукой, спасая глаза; забилась мы с ним в сирень по самый хвост коня, ни слезть с седла, ни повернуть коня не могу.

Сзади слышу хохот и крики: «Вери его за хвост, давайте тянуть, стойте хвост оторвете, как он будет на безхвостом коне ехать!»

И закрили: «Эй, дубинушка, ухнем!»

С их помощью и осаживанием коня поводом вылез из сирени.

Теперь я уже слез, довольно атракционов.

Увидев нашего ветеринарного врача, который принимал тут участие, я передал ему осмотр коня. Принесли глазные зеркала, они результата не показали, стали полотенцем завязывать поочередно глаза коню и переводить через лежащие бревна и оказалось, что на правый глаз он не видит.

Заключили, что не видя хорошо предметы с правой стороны, он в испуге поворачивает налево кругом.

Жаль, но третьего коня покупать надо.

После грязевой ванны нужно было подумать о настоящей бане, т. к. ванну брать в таком виде в замке мне не хотелось, пошел к казакам узнать, где здесь местные бани.

Только заговорил о бане, а казаки смеются, — «ну а вы, что так весело настроены, вам смешно, что я в баню захо-тел?»

— Вы Ваше Высокоблагородие спросите сначала, как Моргунов ходил в баню мыться.

— Моргунов, расскажи про баню.

— Не могу.

— Почему не можешь?

Казак мнется, конфузится, остальные хохочут.

— Ну рассказывай, видишь мне самому надо.

У казаков взрыв хохота.

— Ну говори!

— Так что, пошел я в латышскую баню купаться, разделся, взял деревянную шайку с ручкой, набрал воды, стал мылиться, гляжу, тьфу, что за чудо! Входит голая баба и тоже с шайкой, подошла к моему крану, набрала воды и начала волосы мыть, я оторопел!

— Чего ж ты оторопел?

— Ну, а как же, баба!

— Ну а что ж ты не видел баб что-ли?

Казаки слушают и за животы хватаются.

— Только я протер глаза, гляжу бородатый голый мужик входит, а с ним другая голая баба, а за ними третья помоложе и тоже голая, что думаю за нахождение, да куда же я попал?

Вылил я воду из шайки, прикрылся ею, забился в угол и сижу.

— Чего ж ты сидел?

— Ну, а как же, коль встать не могу!

— Вот так казак, испугался баб и обмяк!

— Да нет, кабы обмяк, а то на меня бабы дивятся, глядят, а я встать не могу, сидел, сидел, потом побег, прикрывшись шайкой, так и ушел домой не помывшись.

— Ну, другой раз, когда пойдешь, то смелей будешь?

— В жисть свою больше не пойду, сколько сраму набрался и до смерти не забуду, что здесь в Лифляндии бабы с мужиками моются, где же это видано!

Ну и денек выдался мне сегодня, думал я, успела на мне и грязь высохнуть, теперь ударишь по шароварам, а с них пыль летит.

Съемку сделал через сутки.

Свой участок знал наизусть и с помощью карты все вычертил, ну а легенду к съемке о Лифляндских болотах лучше меня никто не написал.

Вл. Фарафонов.

Книги серии 'Казачья библиотека' в издании 'На Казачьем Посту'

№ 1. П. Н. Краснов. Исторические очерки Дона, часть I, выпуск 1-й.

№ 2. Его же. То же, часть I, выпуск 2-й.

№№ 3 и 4: Выпуски 3-й и 4-й готовятся к печати.

№ 5. Есаул Мих. Земцов. Слышишь, Кубань?

№ 6. Вас. Кабанов. Девятьсот тридцатый.

№ 7. Казаки-Повстанцы — сборник статей современников, свидетелей и участников антисоветских восстаний на Дону, Кубани и Терреке — сдана в печать.

№ 8. Сборник казачьих песен с нотами — готовится к печати.

В виде приложения к № 25 нашего журнала все читатели получают шахматную доску с фигурами.

На чужой

Страницы казачьих газет и журналов в последнее время пестрят объявлениями о розысках родных, близких, станичников, однополчан и друзей, разбросанных судьбою и вихрем событий по разным странам. Утерянные связи разной давности — от одного года до четверти века. За этот срок, многих, слишком многих, недосчитывают теперь крепкие и многочисленные когда то казачьи семьи: в огне войны и революций, на поле брани, от пули чекиста и на непосильных работах в далеких ссылках, в костлявых объятиях голода, насилия и произвола не одна сотня тысяч преждевременных казачьих могил рассеяна по белому свету. И кто знает, сколько теперь казачек, напрасно поджидающих с далекого края своих мужей, отцов и братьев...

...«Прошу откликнуться родственников и станичников эвакуации 1920 и 1942—1943 г.» — так гласит поток писем в редакции. Две волны, порожденные одной и той же большевистской бурей, — гражданская война 1920 г. и военные события прошлого и позапрошлого года. Теперь они стремятся найти друг друга и слиться в единое казачье море.

Пусть разделяло их долгие годы громадное пространство, пусть разъединяла их разная и по разному скорбная жизнь в родных пределах, на диком севере каторжных работ, или же в скитаниях на чужбине, но, несмотря ни на что, никто и ничто не угасило казачьего духа, единомыслия и единой целеустремленности в борьбе за свою казачью самобытность, за право называться и быть казаками. В такой же степени ничто не могло нарушить их семейных, кровных уз и сердца их сохранили личные привязанности и чувства казачьей верной дружбы до гроба. «Чувство стремени» диктует им их стремления связаться друг с другом — «эвакуации 1920 и 1943 года»...

Переключка, стихийно возникнувшая через казачью прессу, уже дает свои результаты. Уже есть несколько случаев когда отцы нашли своих сыновей, которых давно оставили в станицах маленькими детьми, а теперь обняли рослых, 30-летних казаков, сражающихся ныне в казачьих частях

Икона казаков Туркуанской казачьей станицы, сооруженная их усердием и освященная 27 июля 1937 г. Г. Туркуан, север Франции. По возвращении на родину, икона-киот предназначена в дар Войсковому собору в Новочеркасске в скорбную память долголетнего пребывания казаков в эмиграции.

Казак Пятницкий окончил в Европе геологический институт и работает в качестве инженера в Парагвае (Южная Америка). На снимке П., окруженный парагвайскими матросами, на спецработах. Одно время работал в Аргентине и, в воздаяние его научных трудов, Аргентинское правительство назвало одну из самых высоких гор страны его именем.

На Обще-казачьей выставке в Париже в 1934 году. В течение 10 дней выставку посетило несколько тысяч чел., в том числе и много иностранцев и представителей прессы. Выставили свои работы и изделия казаки разных войск — кустары, земледельцы, ремесленники, студенты, писатели, собиратели предметов казачьей старины и т. д. У входа в здание выставки стояли казаки, одетые в формы Л. Гв. Казачьего полка эпох Имп. Екатерины II, Александра II и последних времен Империи.

стороне

против большевиков, с которыми сражались когда то их родители.

В долгожданных, трогательных встречах без конца шли повествования о прожитом лихолетье, о многолетней мучительной борьбе за право на жизнь, делились думами о путях и судьбе многострадального казачества. «Новички», попавшие за границу недавно, поведали о своей жуткой жизни под большевистским игом, о выпавших на их долю страданиях, о голоде, гибели близких, разорения их куреней, хозяйств и станиц, о пытках, расстрелах, ссылках и, наконец, о борьбе казачества с его поработителями и освобождении от них при появлении на родных просторах Германской армии.

Казачья — «заграничные старожилы» поделились с новичками с своей скитальческой жизнью в чужих, неприветливых краях, со всем тем, что выпадает на долю неприютного изгнанника. Обо всем этом будет еще много рассказано и написано, эта эпоха ждет еще своих исследователей и историков. Эти же строки мы иллюстрируем несколькими снимками из жизни казачьей эмиграции, которые в весьма общих и далеко неполных чертах покажут, что и первая волна выплеснутая из казачьих берегов четверть века тому назад жила в стремлении остаться казаками, с непоколебимой надеждой в светлое будущее возрожденных казачьих войск, освобожденных силой оружия от красной нечисти.

И настанет час, когда обе громадных казачьих волны сольются в единое казачье море, которое залет своим мощным потоком полыхающее зарево пожарниц поработанных ныне станиц и на своем пути уничтожит и поджигателей. А на очищенной огнем казачьей земле, обильно напоенной своей и предков наших кровью, омытой слезами наших матерей, вдов и сирот, вновь возродится казачье племя и в мирном творчестве создаст из руин новую жизнь на своих извечных исторических началах.

Это будет тогда, когда две волны сольются и вольются в единое казачье море.

Донской казачий хор С. А. Жарова. Снимок нескольких участников хора сделан в 1933 г. в г. Мельбурн (Австралия). В составе 36 певцов хор дал 3.000 концертов в 748 городах 27 различных стран. Прославивший по всем уголкам мира казачью песню, хор Донских казаков за 20 лет своего существования за границей приобрел мировую известность и всеобщую популярность. Больше всего концертов было дано в Германии, где его особенно горячо принимали, где, даже в небольших городах концерты проходили в переполненных залах.

Казак Пятизбьянской станицы Алик А., родился в г. Казабланка (Марокко), в настоящее время живет в Буэнос-Айресе (Аргентина). В его комнате родители устроили ему «Казачий киот», в котором расставлены вывезенные с Дона предметы — донская фуражка, кубанка, крест за Степной поход с Атаманом П. Х. Поповым, стремяна, кинжал, погоны Донского кадетского корпуса, кавказский пояс, подкова, и т. д.

Дети членов Обще-казачьей станицы в Коломбеле (Франция), кроме обязательного для них обучения во французской школе, под руководством учителя — члена Донского Войскового Круга Г. Д., посещают казачью четверговую школу. В этой школе даются уроки Закона Божия, русского языка и истории, а также и пения русских и своих казачьих песен.

Р о з ы с к и

Казачи, находящиеся в одной воинской части, разыскивают поименованных ниже своих родственников:

1. Гоголев Василий Васильевич, урож. ст. Белокалитвенской хут. Рудаково.
2. Клец Иван Владимирович, урож. пос. Кайрактысай Степного р-на Актыбинской Обл.
3. Клец Иван Исаакович, урож. пос. Кайрактысай Степного р-на Актыбинской Обл.
4. Клец Алексей Исаакович, урож. пос. Кайрактысай Степного р-на Актыбинской Обл.
5. Свергун Иван Климович, урож. с. Воскресенка Запорожской Области.
6. Свергун Надежда, урож. с. Воскресенка Запорожской Области.
7. Красницкая Татьяна Николаевна там же
8. Железницкая Екатерина Капитоновна там же
9. Дармограев Алексей Егорович там же
10. Толмачев Василий Васильевич, урож. ст. Каменской Рост. Обл.
11. Курносоев Григорий Данилович, урож. ст. Каменской Рост. Обл.
12. Белоусов Федор Степанович, рожд. 1906 г. там же
13. Сотников Влас Петрович, рожд. 1895 г. урож. ст. Кастромской Куб. Области.
14. Сотников Иван Петрович там же
15. Велицкий Макар Петрович, 54 года, урож. ст. Гривецкой
16. Стороженко Федор Васильевич, урож. ст. Ново-Суворовской.
17. Коганцев Иван Михайлович, урож. ст. Вознесенской.
18. Коганцев Иван Григорьевич там же
19. Дорошенко Михаил Данилович там же
20. Норова Мария Никифоровна там же
21. Середищенко Антонина Александровна, урож. ст. Ст.—Ермаковская.
22. Алексеев Виктор Михайлович, урож. ст. Ст.—Ермаковская.
23. Чуркин Александр Иванович там же
24. Горячев Николай Петрович там же
25. Куд Михаил Андреевич, урож. ст. Удобная Кубанской Обл.
26. Куц Михаил Андреевич там же
27. Куц Иван Николаевич там же
28. Бондаренко Роман Андреевич там же
29. Гаврильцов Николай Алексеевич там же
30. Яковенко Василий Иванович там же
31. Яковенко Иван Иванович там же
32. Ивни Тихон Тимофеевич, рожд. 1894 г., Агайман Ивановский.
33. Соседка Никит Парфирович, рожд. 1902 г. г. Тамань.
34. Черпенко Петр Сидорович, рожд. 1895 г. г. Тамань.
35. Скрипка Павел Тихонович, рожд. 1903 г. ст. Абинская.
36. Маликова Вера, рожд. 1914 г. Александроталь.
37. Колабина Ирина, рожд. 1914 г. Александроталь.
38. Серпкова Мария, рожд. 1914 г. Александроталь.
39. Москаленко Вера Миленовна, рожд. 1925 г. гор. Анапа.
40. Паничев Дмитрий Николаевич, рожд. 1911 г. гор. Сальск.
41. Скидан Федор Акимович, рожд. 1908 г. ст. Темнижакская.
42. Стальной Максим Филипович, рожд. 1911 г. гор. Шахты.
43. Шаповалов Лармон Степанович, рожд. 1911 г. гор. Шахты.
44. Черенко Николай Алексеевич, рожд. 1923 г. с. Куменка Запорожье.
45. Черенкова Клавдия Алексеевна, рожд. 1925 г. Куменка Запорожье.
46. Козлов Василий Алексеевич, рожд. 1906 г. гор. Георгиевск.
47. Пономарев Николай Владимирович, рожд. 1917 г. гор. Черкасск.
48. Пономарев Алексей Владимирович, рожд. 1921 г. гор. Черкасск.
49. Пономарев Павел Георгиевич, рожд. 1908 г. гор. Черкасск.
50. Юрченко Алексей Гаврилович, рожд. 1913 г. гор. Черкасск.
51. Захаров Степан Иванович, рожд. 1908 г. хут. Кривской Дон.
52. Гладили Егор Матвеевич, рожд. 1915 г. хут. Писковец ст. Казапская Донская Область.
53. Гладили Иван Матвеевич, рожд. 1922 г. хут. Писковец ст. Казапская Донская Область.
54. Шальдешов Андрей Михайлович, рожд. 1910 г. ст. Подгорная.
55. Рудаков Иван, урож. хут. Перебойного ст. Калитвенской.
56. Финаев Павел, урож. хут. Перебойного ст. Калитвенской.
57. Пятак Иван Васильевич, урож. ст. Старо-Минской Куб. Об.
58. Чикильдин А. М., урож. ст. Отрадной Куб. Об.
59. Чикильдин Павел Михайлович, урож. ст. Отрадной Куб. Об.
60. Федяшин Дмитрий Тимофеевич, урож. Курсавского р-на село Крым—Гиряевка.
61. Лубенский Григорий Владимирович, урож. ст. Петровской Куб. Обл.
62. Мироненко Наталия Андреевна, урож. село Куб—Колонка Куб. Обл.
63. Мироненко Виктор Иванович, урож. село Куб—Колонка Куб. Обл.
64. Мироненко Семен Григорьевич, урож. село Куб—Колонка Куб. Обл.
65. Мироненко Николай Семенович, урож. село Куб—Колонка Куб. Обл.
66. Савицкая Александра, урож. село Куб—Колонка Куб. Обл.
67. Озов Дуур, урож. село Куб—Колонка Куб. Обл.
68. Красова Анна Алексеевна, урож. ст. Каменка хут. Краснов.
69. Рубило Илларион, эвакуированный из с. Дербетовка.
70. Крюковцева Зинаида Кондратьевна, прож. в гор. Мариуполь.
71. Хаджинова Зинаида, рожд. 1920 г. прож. в гор. Мариуполь.
72. Любченко Лука Моисеевич, урож. ст. Старо—Корсунской.
73. Якушенко Евдокия Григорьевна, урож. с. Каран Севастополь.
74. Якушенко Любовь Алексеевна, урож. с. Каран Севастополь.
75. Ковалева София Федоровна, там же
76. Ковалев Николай Иванович, там же
77. Ковалев Иван Трофимович там же
78. Якушенко Евдокия Григорьевна там же
79. Якушенко Любовь Алексеевна там же
80. Коваленко Вера Ивановна, урож. ст. Таманской.
81. Коваленко Вера Ивановна, урожд. ст. Таманской.
82. Коваленко Николай Иванович, там же
83. Коваленко Иван Трофимович там же
84. Ищенко Павел, рожд. 1917 г., урож. ст. Ахтаиновской.
85. Ищенко Татьяна, рожд. 1916 г. там же
86. Ищенко Вера, рожд. 1930 г. там же
87. Миронова Ольга Сидоровна, урож. ст. Старо-Титоровской.
88. Миронова Любовь Е. там же
89. Мироненко Виктор Ел. там же
90. Малькова Прасковья Ивановна, урож. хут. Бураковский, ст. Кореповский.
91. Степанов Георгий Семенович, урож. ст. Калитвенской хут. Муравьев.
92. Антонов Григорий Алексеевич, урож. ст. Калитвенской хут. Ясинский.
93. Бородин Василий Михайлович, урож. ст. Калитвенской хут. Ясинский.
94. Орехов Дмитрий Иванович, урож. ст. Калитвенской хут. Ясинский.
95. Орехов Михаил Иванович, урож. ст. Калитвенской хут. Ясинский.
96. Смагин Василий Евдокимович, прож. в с. Киста Дивного р-на.
97. Стрельцева Анна Трофимовна, эваку. из Васильковского р-на Укр.

Результаты сообщить по адресу:

Oberleutnant Gondarenko, F.-P.-Nr. 56 400